

DOI 10.22394/1818-4049-2019-89-4-41-49  
УДК 339.924(571.6)

**О. М. Рензин**  
**В. В. Кучук**

## **Многоуровневая интеграция как инструмент инкорпорирования Дальнего Востока России в АТР<sup>1</sup>**

*Оценены интеграционные проекты, осуществляемые в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР) с участием России, с позиций формирования многоуровневых устойчивых взаимосвязей с основными экономическими партнерами. Показана структурная диспропорциональность между отдельными сегментами, вызванная отставанием интеграции локальных структур от правительственных программ, которая, прежде всего, наблюдается в политическом сегменте, где активность контактов на высшем политическом уровне не сопровождается адекватным усилением сотрудничества региональных и муниципальных властей. В свою очередь, это отражается на экономических практиках, где контакты глобальных российских фирм с зарубежными партнерами (прежде всего, в добыче и поставках энергоносителей) дают слабые импульсы развитию сотрудничества в малом и среднем бизнесе. В качестве инструмента, используемого для дальнейшего развития программ инкорпорирования России в АТР, предлагается расширение использования механизмов взаимодействия на субнациональных – региональном и муниципальном – уровнях.*

**Ключевые слова:** интеграция в АТР, Российский Дальний Восток, проекты многосторонней интеграции в СВА, межмуниципальное сотрудничество, межрегиональное сотрудничество.

**Активизация интеграции в АТР с 2014 года является одной из наиболее четко обозначенных геополитических задач России. Ее постановка связана не только с реакцией на осложнение традиционных партнерских отношений с ключевыми западными странами (включая европейские государства и США), но и смещением в азиатский регион наиболее заметных и перспективных в мировом масштабе проектов сотрудничества. Для решения поставленной интеграционной задачи Россией используется широкий инструментарий организации взаимодействия с партне-**

**рами, включающий внешнеполитические, внешнеэкономические и гуманитарные механизмы. Особо в действиях российских властей выделяются попытки формирования эффективно действующих интеграционных программ в той части АТР, которая относится к Северо-Восточной Азии (далее – СВА). Это вполне объяснимо не только присутствием в этом регионе второй и третьей по экономической мощи стран мира (Китая и Японии), но и прогнозируемой российскими экспертами ключевой позицией СВА в среднесрочной трансформации международных отношений России.<sup>2</sup>**

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток», проект 18-5-053 «Безопасность и устойчивость развития экономики Дальнего Востока в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР».

<sup>2</sup> Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М. : Издательство «Аспект Пресс». 2019. 432 с.

**Олег Маркович Рензин** – канд. экон. наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: renzin@ecrin.ru

**Владимир Валерьевич Кучук** – канд. экон. наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: renzin@ecrin.ru

Однако, запланированные интеграционные процессы идут неравномерно в различных сегментах взаимодействия, оценки качественных и количественных характеристик достигнутого сотрудничества с крупнейшими странами СВА носят, как правило, двойственный характер. С одной стороны, за прошедшую пятилетку произошел колоссальный сдвиг в отношениях России с Китаем и Японией на высшем политическом уровне. Количество личных встреч Президента России В.В.Путина с первыми лицами этих стран измеряется десятками, что беспрецедентно для предыдущих этапов сотрудничества. На этих встречах обсуждаются не только политические проблемы интеграции, но и принимаются решения о межгосударственных экономических проектах в стратегических отраслях, в т.ч. о кооперативных взаимосвязях крупнейших национальных компаний, включая поставки энергоносителей. С другой стороны, массовых интеграционных контактов за пределами как высокой политики, так и экономики корпораций «национальных чемпионов», не наблюдается. Это касается и торговли, и инвестиций, и финансов, и инноваций. На наш взгляд, одним из наиболее существенных ограничений, влияющих на эффективность сотрудничества, является взаимная слабая децентрализация интеграционных процессов. В современной системе на субнациональных уровнях и в политической, и в экономической организации наблюдается крайне низкая степень реальной вовлеченности региональных и муниципальных структур в интеграционные процессы.

Для современной экономической системы характерны практики многоуровневого генерирования интеграционных проектов. Оно осуществляется с различных ступеней политической и экономической организации. Наиболее крупными и заметными интеграторами

являются международные объединения большинства стран мира, имеющие разный функционал, но одинаково ориентированные на гармонизацию глобальных международных отношений в той или иной области взаимодействия (ООН, МВФ, ВТО, Всемирный банк). Особенно велико значение крупных межгосударственных блочных интеграционных структур в макрорегионах мира (в Европе – ЕС, в Азии – АТЭС, АСЕАН). Эти интеграционные проекты формируют мировую базовую организационную инфраструктуру взаимодействия. Однако для непосредственного контакта населения стран, а также для представителей малого бизнеса, составляющего практически во всех современных экономиках значительную долю, политические контакты и сотрудничество правительств и глобальных корпораций создает, скорее, предпосылки для получения эффектов от интеграционных процессов, чем предоставляет реальные возможности для этого. Широкое и массовое использование интеграционных платформ, созданных макроэкономическими структурами, может быть реализовано только через эффективные взаимосвязи на локальных уровнях (региональном и муниципальном).<sup>3</sup> И, напротив, выведение таких «низовых» взаимосвязей за интеграционную повестку может «торпедировать» проекты межгосударственного масштаба.

В Северо-Восточной Азии давно (начиная с 1980 гг.) поддерживается идея о поддержке интеграционных инициатив высшего государственного уровня организацией контактов между региональными и муниципальными органами власти. В реализации ряда таких проектов – как двусторонних, так и многосторонних – принимали участие российские регионы и муниципалитеты. В этой сфере накоплен значительный опыт субнациональных интеграционных проектов – как позитивный, так и негативный.

<sup>3</sup> По оценке представителя Немецкого агентства международного сотрудничества Ю.Штайгера, для международных проектов (в т.ч. реализуемых в СВА) заслуживает внимания использование практик организации трансграничного сотрудничества региональных властей в Европейском союзе. Такая системная установка была определена одним из главных приоритетов в Стратегии развития ЕС до 2020 г. (См. Кречетова В. С. Мероприятия расширенной Туманганской инициативы // *Пространственная экономка*. 2012. № 1. С. 169–173, с. 171).

Одной из наиболее успешных является создание и осуществление деятельности Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (далее – АРАСВА). Она была организована в 1996 году (т.е. более 20 лет назад), ее членами в настоящее время являются более 70 различных территориально-административных образований из 6 стран СВА (Китай, России, Японии, Республики Корея, Монголии, КНДР). Из шестнадцати российских членов АРАСВА девять – это регионы, которые входят в состав Дальневосточного федерального округа.<sup>4</sup> Кроме того, ряд локальных структур (провинции, префектуры, края и области, города и пр.), имеют в организации статус наблюдателя.

Имея различный потенциал в принятии решений международного характера, определенный характеристиками предоставленных полномочий, все члены этой организации заинтересованы в совместной деятельности по развитию экономики СВА. АРАСВА активно поддерживает региональные проекты сотрудничества как в торгово-экономических отношениях, так и в гуманитарной сфере. В особой мере это касается проектов в сегментах подведомственным региональным и местным властям: малом и среднем бизнесе, туризме, медицине, образовании. Для организации взаимодействия по отдельным направлениям в АРАСВА работают различные подкомиссии, представляющие платформы, на которых формируются и реализуются проекты, в т.ч. по экономике и гуманитарным обменов, по сельскому хозяйству, по морским делам и рыболовству, по логистике и транспорту и т.д. По состоянию на 2018 год, в составе Ассоциации работало 17 подкомиссий, которые совместно создают эффективную сеть международного сотрудничества на уровне регионов.<sup>5</sup>

Другим амбициозным проектом межрегиональной интеграции в СВА стала

«Туманганская инициатива». Ее можно рассматривать как одну из наиболее ярких попыток создания механизмов многостороннего многоуровневого сотрудничества. Институционально этот проект, несомненно, был одним из самых сложных. В его реализации принимали участие, с одной стороны, глобальные организации (Программа развития ООН), с другой стороны, национальные правительства (России, Китая, Ю.Кореи, КНДР, Монголии), с третьей стороны, региональные и муниципальные власти стран-участниц проекта, территории которых входили в ареал совместного использования. Такая многоуровневая организация определяла различия в оценках целей и рисков реализации.<sup>6</sup> Для Программы развития ООН – это формирование эффективной межгосударственной зоны развития в Северо-Восточной Азии; для правительств стран-участниц – это привлечение финансовых ресурсов международных организаций для развития слаборазвитых территорий: для регионов – это активизация социально-экономических процессов за счет участия в международном разделении труда и льготных режимов хозяйствования. И если подготовка решений двух первых задач не встретили противодействия, то на локальном уровне это было вовсе не очевидно.

По мнению авторитетных экспертов, именно позиция региональных властей определила неудачу реализации одного из самых интересных интеграционных проектов в Северо-Восточной Азии [Титаренко, 1994. С. 26]. В частности, с точки зрения дальневосточных регионов России, создание международного «полюса роста» за счет фактического перевода в международное управление части их территории являлось абсолютно неприемлемым. Это, с одной стороны, ослабляло перспективы локального развития за счет утери части экономи-

<sup>4</sup> NEAR Annual Report 2018, p. 48.

<sup>5</sup> NEAR Annual Report 2018, p. 14.

<sup>6</sup> Подробное и содержательное описание реализации этого проекта на различных стадиях содержится в Valencia M. J. Economic Cooperation in Northeast Asia: The proposed Tumen River scheme // The Pacific Review, 1991, vol. 4, issue 3, pp. 263–271 ; Гулидов Р. В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 90–108.

ческого потенциала, и, с другой стороны, усугубляло условия деятельности сложившейся в регионе производственной системы вследствие формирования в международной зоне экономических структур, более конкурентных, чем местные. И первое, и второе не соответствовало локальным стратегиям развития дальневосточных территорий России, которые выступили оппонентами проекта, и, в конечном счете, определили его финал, поскольку для его реализации ключевым было получение выхода к Японскому морю через российскую территорию.

Эффективных решений не было получено и в других крупных интеграционных межрегиональных проектах, реализуемых в СВА. Яркую страницу в истории таких образований вписала длительная работа над проектом «Экономической зоны Японского моря». Появившаяся в Японии в 1980-е годы и вызвавшая большой международный резонанс идея предлагала институциональное объединение прибрежных префектур Японии, российского Дальнего Востока, обеих Корей и провинций Северо-Востока Китая (Хэйлунцзян, Ляонин, Цилинь). В 1990 г. на 1-й международной конференции в г. Ниигата был выдвинут 4-летний план развития трансграничного взаимодействия, в котором главную роль играли проекты, поддерживаемые региональными и местными властями. Этот набор мероприятий рядом комментаторов был охарактеризован как «великий эксперимент». [Nakato, 1993]

На генерированных этой идеей конференций и консультаций, проведенных как внутри Японии, так и за ее пределами, отчетливо сформировалось несколько аргументов в пользу принятия такого решения.

Во-первых, интеграция может и должна рассматриваться как инструмент стимулирования развития для отсталых регионов стран-участниц проекта. В Японии - это «теневая сторона страны», т.е. япономорские префектуры, сильно отстававшие от регионов Тихоокеанского побережья, в Китае – депрессивный Северо-Восток, в России – большинство

слаборазвитых территорий Дальнего Востока. Особенно остро эта проблема была ощутима в бурно развивающейся в 1980-е годы Японии. С одной стороны, острые социально-экономические проблемы регионального неравенства «изнанки Японии» правительство пыталось решить за счет формирования внутриэкономических преференций: надбавки к зарплатам работников за счет государственных субсидий, организации льготного кредитования Японским банком развития, предоставления льгот для иностранного предпринимательства и т. д. Однако их эффективность была незначительна. В качестве генерального направления поддержки развития была выбрана концепция подключения «интеграционного инструментария», который оформился в проект создания «Зоны Японского моря». По мнению одного из авторитетных японских специалистов – Огава Кадзуо, «префектуры Японского моря получили большие возможности использовать расширение экономических связей со странами и районами побережья Японского моря для содействия подъему местной промышленности». [Огава, 1993. С. 3] В рамках этой программы «во многих префектурах побережья Японского моря было предусмотрено увеличение ассигнований из местных бюджетов на цели развития не только экономических, но и иных международных связей в регионе Японского моря. В частности, крупные по размеру средства выделяют округ Хоккайдо, префектуры Ниигата, Тояма, Исикава, Фукуи. Все уже давно поняли, что региональные экономические связи и сотрудничество открывают большие возможности для многопланового развития». [Огава, 1993. С. 5]

Во-вторых, региональный уровень взаимодействия стал рассматриваться как мощное дополнение межгосударственных программ интеграции. Частичный переход сотрудничества на региональный уровень позволял, с одной стороны, предложить специальные механизмы сотрудничества, плохо укладывающиеся в общегосударственные регламенты. В особой мере этот подход был важен для интеграционных процес-



сов между странами, имеющими сильно отличающиеся общественные модели развития. Их адаптивность друг к другу была крайне проблематична на высоких уровнях организации и значительно облегчалась при снижении уровней контактов. В качестве примера конструктивности таких решений для зоны Япономорской интеграции в 1990-е годы в литературе приводится возможность согласования интересов на региональном уровне китайской плановой экономики, постсоветской хозяйственной системы России и японской модели классического капитализма. [Огава, 1993] Кроме того, это был способ смягчить существующие политические ограничения, неизбежно возникающие на государственном уровне, например, для России и Японии курильскую проблему, для Японии и Китая – архипелага Сенкаку (который китайцы именуют Дяоюйдао) и т.д.

В-третьих, это стало паллиативным решением проблемы высокой централизации экономической организации национальных экономик, характерной практически для всех стран СВА. В управлении внешнеэкономическими процессами предпочтение правительств в двусторонних и многосторонних отношениях отдавалось крупномасштабным проектам. Это не только сдерживало развитие интеграционных взаимосвязей, но и из-за сложности и долговременности связанных с ними бюрократических процедур сильно увеличивало институциональные издержки и снижало потенциальную эффективность проводимых мероприятий. Для решения этой проблемы важное политическое и экономическое значение имело фактическое усиление позиций локальных администраций в национальных системах управления. Исследователи обращали внимание, что реализация интеграционных проектов в Зоне Японского моря была тесно связана с укреплением самостоятельности в принятии решений для местных органов управления на Дальнем Востоке России и в Северо-Восточном Китае. [Огава, 1993. С. 5] Через участие регионов в международной деятельности происходило возникновение новых

форм взаимосвязей, ориентированных на эффективную политику «малых дел», осуществление наряду с проектами, курируемыми высшим политическим руководством стран, взаимодействия среднего и мелкого предпринимательства, сотрудничества в сфере услуг, реализацию небольших гуманитарных программ.

Отметим, что положительные оценки таких сдвигов высказывались отечественными специалистами даже в период реализации высокоцентрализованной плановой советской интеграционной политики. [Воронцов, 1991. С. 28] Зарубежные ученые были солидарны с ними в признании пользы демократизации интеграционного процесса. В частности, в 1989 г. К.Огава писал: «не следует бросать все усилия на крупномасштабные проекты сотрудничества. Необходимо взяться за реализацию большого числа проектов малого масштаба, которые можно осуществить в короткие сроки». [Огава, 1989. С. 101] Для российских регионов этот проект стал особенно актуален в период, когда централизованная поддержка советского времени минимизировалась, а возможности усиления полномочий региональных властей резко возросли. В частности, существенным интеграционным элементом развития Дальнего Востока была организация региональной приграничной и прибрежной торговли.

Согласно широко распространенной в этот период точке зрения, основным интеграционным мотивом для всех территорий должно стать объединение ресурсной базы стран Японского моря: богатых природных ресурсов России, дешевой рабочей силы Китая и высоких технологий из Японии и Южной Кореи. Предполагалось, что консолидация и взаимодополнение в международном разделении труда экономически слабых (по отношению к другим регионам своей страны) территорий, способно дать импульс их активному развитию. В качестве важнейшего шага в реализации этой идеи активно обсуждалось создание международного регионального комитета бассейна Японского моря, который включил бы представителей

япономорских префектур Японии (в т.ч. Хёго, Ниигаты, Хоккайдо), северо-западных провинций Китая (Хэйлунцзян, Ляонин, Цилинь), краев и областей Дальнего Востока России, провинций Южной и Северной Кореи. Как формулировал такую идею российский исследователь П.Я.Бакланов, «целесообразно создать международный координационный центр Япономорского региона из представителей всех стран и районов, входящих в этот регион». [Бакланов, 1996. С. 93]

Однако для создания многостороннего регионального координационного органа было много институциональных препятствий. Прежде всего, это проблема согласования полномочий национальных и региональных органов власти. Регионы, согласно осуществляемым мероприятиям, пытались войти в зону ответственности правительств. В частности, это наблюдалось в 1993 году на конференции губернаторов западных провинций Японии и восточных районов России в г. Унадзуки (префектура Тояма). При обсуждении проблем сотрудничества в зоне Японского моря была отчетливо сформулирована позиция, согласно которой организация такого взаимодействия относится, прежде всего, к деятельности региональных властей, а не только, и не столько центральных правительств. [Родионов, 1995. С. 37] Такие идеи не могли получить активной поддержки национальных властей, и постепенно проект «Зоны Японского моря» стал историческим объектом.

Хотя сложившиеся в этот период практики активного обсуждения экономических инструментов международного межрегионального развития получили продолжение в рамках проведения многочисленных конференций руководителей регионов и муниципальных образований стран СВА.

Для российских регионов такой формат стимулирования интеграционных взаимодействий на локальном уровне очень активно использовался в отношениях с Японией. Около 30 встреч было проведено в рамках традиционных встреч мэров городов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и

Западного побережья Японии, которые в определенной мере можно считать преемственным мероприятием проекта «Зоны Японского моря». После 9-летнего перерыва в 2019 году состоялось заседание Совета губернаторов России и Японии.

Важными направлениями сотрудничества, поддерживаемыми на муниципальном и региональном уровнях, является совместное решение проблем сферы социальных услуг, включая медицинское обслуживание, транспорта, образования, сельского хозяйства, инноваций, малого бизнеса.

Последней отрасли уделяется особое внимание. Развитие кооперации и сотрудничества между малыми и средними предприятиями двух государств является важным объектом организации многоуровневой интеграции. С одной стороны, это макроэкономическая программа. Это направление работы было зафиксировано в плане сотрудничества с Россией, который представил премьер-министр Японии Синдзо Абэ еще в 2016 году. С другой стороны, на уровне регионов и муниципалитетов это направление может реализоваться гораздо легче, нежели на правительственном. И, безусловно, создание эффективного инструментария согласования каналов может дать эффективные результаты.

Другим важным направлением организации межрегионального сотрудничества руководители субнациональных административно-территориальных структур считают развитие международного туризма в СВА. Неоднократно на заседаниях Ассоциации мэров городов западного побережья Японии и российского Дальнего Востока, Совета губернаторов Японии и России обсуждались такие проекты. В качестве драйвера этого процесса ими рассматривать создание ассоциации туристических компаний городов и провинций Японского моря. Такой орган позволяет сформировать контактную сеть туристических регионов, разворачивать разнообразные проекты на основе единой концепции, вести всеобъемлющую рекламную кампанию с использованием эффекта масштаба, а также проводить

скоординированную политику в сфере въездного туризма. Отдельно рассматриваются проекты организации международных паромных маршрутов. Опыт реализации этой идеи есть: маршрут японо-корейско-российского международного парома, связывавшего Владивосток, южнокорейский Тонхэ и японский Сакаиминато. По мнению ряда участников обсуждений, за счет развития туризма на международных паромных маршрутах, можно ожидать превращения Северо-Восточной Азии в привлекательную экономическую зону: «при должном подходе круизный рынок Северо-Восточной Азии можно развить до масштаба, не уступающего Средиземному морю, Карибскому морю и другим мировым рынкам».<sup>7</sup>

В современных условиях различные варианты использования многоуровневой интеграции в СВА стали важным элементом экономической политики стран региона. Они в широком масштабе формируют комплексные проекты, включающие согласованные правительственные, региональные и муниципальные программы.

Такой подход в последние годы характерен для осуществления интеграционных мероприятий, осуществляемых Японией, КНР и Россией. В Японии предоставление ряду регионов особых условий для реализации интеграционных возможностей стало важной составной частью программы премьер-министра Абэ Синдзо.

Российская евроазиатская интеграционная концепция предполагает формирование ряда локальных союзов разной степени глубины на субнациональных территориально-организационных уровнях. При этом рассматривается применение различных форматов локального сотрудничества с учетом особенностей организации стран-партнеров.

Решение аналогичных задач в еще более широком масштабе предусматривает китайская глобальная интеграционная концепция «Один пояс, один путь». «Так

как стратегия «Один пояс и один путь» является главной программой Китая по расширению внешних связей и установлению экономического сотрудничества на ближайший период, то открытость и участие в ней всех регионов страны является обязательным условием».

Очевидно, что в условиях ослабления глобализационных процессов, возникновения серьезных макроэкономических противоречий между крупнейшими странами Северо-Восточной Азии, формирование компенсаторных механизмов, позволяющих поддерживать развитие и использование позитивных интеграционных эффектов, вновь, как и в 1990-е годы смещается на более низкие уровни экономической организации, включая региональный и муниципальный. Их развитие является новым трендом, дающим экономическому сотрудничеству в регионе СВА новые возможности для совместного развития.

### Список литературы:

1. Бакланов П. Я. Экономические и геополитические предпосылки интеграционных отношений и процессов в Япономорском регионе // Известия РАН. Серия географическая. 1996. № 6. С. 80–93.
2. Воронцов Д. Возможности экономического сотрудничества стран бассейна Японского моря // Внешняя торговля. 1991. № 1–2. С. 26–28.
3. Гулидов Р. В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 90–108.
4. Кречетова В. С. Мероприятия расширенной Туманганской инициативы // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 169–173.
5. Морозов Ю. В. Интеграционные проекты для Евразии: подходы России, Китая и США // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 32–41.
6. Огава К. Бассейн Японского моря – зона советско-японского сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 5. С. 95–103.
7. Огава К. Перспективы развития

<sup>7</sup> Цитируется по Стенограмме заседания Совета губернаторов России и Японии (г. Москва, май, 2019 год) // Бюллетень международной информации Правительства Хабаровского края, вып. 97, 2019.

экономического сотрудничества в зоне Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 3–7.

8. Огава К. Последняя целина (экономическая зона Японского моря). (Сайго-но-нью-форонтия. Кан-нихонкай-кэйдзан-кен). Токио. Дайити-инсацусё. 1993 (на японском языке).

9. Рензин О. М., Кучук В. В. Реформирование экономики в Японии: от «Абэномики-1» к «Абэномике-2» // Ученые записки ИЭИ ДВО РАН. Вып. 15. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН. 2019. С. 105–115.

10. Родионов А. Перспективы создания экономической зоны Японского моря // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 34–39.

11. Стенограмма заседания Совета губернаторов России и Японии (г. Москва, май, 2019 год) // Бюллетень международной информации Правительства Ха-

баровского края. Вып. № 97, 2019.

12. Титаренко М. Северо-Восточная Азия после «холодной войны» и интересы России // Проблемы Дальнего Востока 1994. № 5. С. 25–28.

13. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России. М. : Издательство «Аспект Пресс», 2019. 432 с.

14. Цинь Юйцай и др. Один пояс и один путь: комментарии. М. : «ШАНС» 2017. 279 с.

15. Nakato Y. The Meaning and Problems of Development of “the Sea of Japan Economic Region”//Annals of the Japan Association of Economic Geographers. Vol. 39. No.1. 1993.

16. NEAR Annual Report. 2018. P. 48.

17. Valencia M. J. Economic Cooperation in Northeast Asia: The proposed Tumen River scheme // The Pacific Review. 1991. Vol. 4. Issue 3. Pp. 263–271.

#### **Библиографическое описание статьи**

Рензин О. М., Кучук В. В. Многоуровневая интеграция как инструмент инкорпорирования Дальнего Востока России в АТР // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 4 (89). С. 41–49. DOI 10.22394/1818-4049-2019-89-4-41-49

**Renzin Oleg Markovich** – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, the economic research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russian Federation). E-mail: renzin@ecrin.ru

**Vladimir Valeryevich Kuchuk** – Candidate of Economics, senior researcher, the Institute of economic researches of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russian Federation). E-mail: renzin@ecrin.ru

### **Multilevel integration as a tool for the Russian Far East incorporating in the Asia-Pacific Region**

*Integration projects carried out in the Asia-Pacific region with the participation of Russia were evaluated from the perspective of formation of multilevel sustainable relationships with the major economic partners. Structural disproportionality between the individual segments is shown, caused by the lag of integration of local structures with the government programs, which is primarily observed in the political segment, where the activity of contacts at the highest political level is not accompanied by an adequate strengthening of cooperation between the regional and municipal authorities. In turn, this is reflected in economic practices, where the contacts of global Russian firms with the foreign partners (primarily in the extraction and supply of energy resources) give weak impulses to the development of small and medium-sized businesses cooperation. It is proposed to expand the use of interaction mechanisms at subnational levels (regional and municipal) as a tool used for the further development of programs for incorporating Russia into the Asia-Pacific region.*

**Keywords:** the Asia-Pacific region integration, the Russian Far East, multilateral integration projects in NEA, inter-municipal cooperation, interregional cooperation.



### References:

1. Baklanov P. Ya. Economic and geopolitical prerequisites for integration relations and processes in the Japan region // News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series. 1996, no. 6, pp. 80–93. (In Russian).
2. Vorontsov D. Opportunities for economic cooperation of the countries of the basin of the Sea of Japan *Vneshnyaya trgovlya* [Foreign Trade], 1991, no. 1–2, pp. 26–28. (In Russian).
3. Gulidov R. V. Project “Tumangan”: fiction and reality *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2012, no 1, pp. 90–108. (In Russian).
4. Krechetova V. S. Activities of the expanded Tumangan initiative *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2012, no 1, pp. 169–173. (In Russian).
5. Morozov Yu. V. Integration projects for Eurasia: approaches of Russia, China and the USA *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2016, no. 3, pp. 32–41. (In Russian).
6. Ogawa K. Basin of the Sea of Japan - the zone of Soviet-Japanese cooperation *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 1989, no. 5, pp. 95–103. (In Russian).
7. Ogawa K. Prospects for the development of economic cooperation in the zone of the Sea of Japan *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 1993, no. 4, pp. 3–7. (In Russian).
8. Ogawa K. The last virgin land (economic zone of the Sea of Japan). (Saigo-no-nu-forontia. Kan nihonkai keizanken). Tokyo Daiichi Insatsusho. 1993 (in Japanese).
9. Renzin O. M., Kuchuk V. V. Reforming the economy in Japan: from “Abenomics-1” to “Abenomics-2” *Uchenyye zapiski IEI DVO RAN* [Scientific notes of IEI FEB RAS], vol. 15, Khabarovsk : IEI FEB RAS. 2019, pp. 105–115. (In Russian).
10. Rodionov A. Prospects for the creation of the economic zone of the Sea of Japan *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 1995, no. 1, pp. 34–39. (In Russian).
11. Transcript of the meeting of the Council of Governors of Russia and Japan (Moscow, May, 2019) *Byulleten' mezhdunarodnoy informatsii Pravitel'stva Khabarovskogo kraya* [Bulletin of international information of the Government of the Khabarovsk Territory], no. 97, 2019. (In Russian).
12. Titarenko M. Northeast Asia after the Cold War and Russia's interests *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 1994, no. 5, pp. 25–28. (In Russian).
13. The transformation of international relations in Northeast Asia and the national interests of Russia. M.: Publishing house “Aspect Press”, 2019, 432 p. (In Russian).
14. Qin Yuitsai et al. One belt and one way: comments. M. : “CHANCE”, 2017, 279 p. (In Russian).
15. Nakato Y. The Meaning and Problems of Development of “the Sea of Japan Economic Region” *Letopis' Yaponskoy asotsiatsii ekonomicheskikh geografov* [Annals of the Japan Association of Economic Geographers], vol. 39, no. 1, 1993.
16. NEAR Annual Report. 2018, p. 48.
17. Valencia M. J. Economic Cooperation in Northeast Asia: The proposed Tumen River scheme *Tikhookeanskoye obozreniye* [The Pacific Review], 1991, vol. 4, Issue 3, pp. 263–271.

### Reference to the article

Renzin O. M., Kuchuk V. V. Multilevel integration as a tool for the Russian Far East incorporating in the Asia-Pacific Region // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 4 (89). Pp. 41–49. DOI 10.22394/1818-4049-2019-89-4-41-49